

ВОСКРЕСЕНСК

Литературный

Выпуск № 40

Родом из Губино

Елена ЮРОВА

В «Литературной гостиной» библиотеки АНО «ДК «Химик» им. Н.И. Докторова» собрались читатели, литераторы, земляки, чтобы познакомиться с новой книгой Виктора Лысенкова «Излучины бытия».

Благодаря кропотливой исследовательской работе Виктор Иванович воссоздал жизненный путь своих земляков из деревни Губино: полного георгиевского кавалера Василия Ивановича Андриянова; председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР, а с 1941 года члена Военного совета Западного фронта Ивана Сергеевича Хохлова, лично подписавшего 11 июля 1938 года постановление президиума Мособлисполкома о преобразовании рабочего посёлка Воскресенск в город (этот документ представлен в книге); трагедию монахини Евдокии Прохоровны Андриановой и священника Николая Власовича Гольшева, сохранивших веру в самые грозные времена гонений на православие...

С большой сыновней любовью автор повествует о своём отце – фронтовом разведчике старшине Иване Алексеевиче Лысенкове. Самому автору было всего 5 лет, когда отец ушёл из жизни, поэтому родительский портрет воссоздавался по архивным документам, отрывочным воспоминаниям матери и старших братьев. С горечью Виктор Иванович отмечает, что награда не нашла героя – удостоенный ордена Красной Звезды, отец так его и не получил...

Последняя глава посвящена соратнику Мусы Джалиля – Ахмету Садретдиновичу Симеяву, мужественному подпольщику-антифашисту, до войны работавшему в редакции воскресенской районной газеты «Коммунист» («Наше слово»).

Присутствовавшие на презентации – глава городского поселения Воскресенск Александр Васильевич Квардаков, литераторы, художники, краеведы, читатели библиотеки, родные автора – достойно оценили высокохудожественную летопись и, поздравив Виктора Ивановича с её выходом, тепло поблагодарили его за несомненно большой и полезный труд.

«Научите меня жить ТИХО...»

Марина КАБАНОВА

Научите меня жить
Тихо,
Не крутиться в колесе
Белкой,
И под дудки не плясать
Лихо,
Не ловить в затонах рыб
Мелких.
Мне б проснуться поутру
Рано,
Мне б умыться в родниках
Чистых,
Берестой забинтовать
Раны,
Гребнем леса причесать
Мысли.
Всё бы слушать соловьёв
Вволю,
Да по солнцу отмерять
Время,
Чтобы не было душе
Больно,
Что всё меньше тех, кому
Верю...
Научите меня жить
Просто,
Прикоснуться хоть слегка
К тайне –
По реке плывут куда
Звёзды,
На рассвете так светло
Тая...

Забыв, что есть печаль
на свете,
Я руки к солнцу протяну,
На одинокую сосну
Лучи, как струны, натяну,
И мне на них сыграет
ветер.

И мне на них сыграет
ветер
О том, что где-то
за рекой
В траве, расцвеченной
весной,
Взмывая озорной волной,
Смеются беззаботно
дети.

Смеются беззаботно
дети,
Как сотни лет тому
назад,
И каждый снова жизни
рад,
И мой уже теплеет взгляд,
Забыв, что есть печаль
на свете.

Расплескалось серебро
в ночи,
Смотрим друг на друга...
и молчим,
Лунный свет дрожит
в твоих глазах,
Застывают звуки
на губах.
Серебро невысказанных
слов
Золотом молчанья станет
вновь.
Лишь горят серебряным
огнём

Травы, где укроемся вдвоём.
Мы богаче стали
во сто раз,
Серебро и золото у нас –
Колокольчиком «Люблю»
звучит,
Затихая тайною в ночи.

Алой птицею рассвет
Будит небеса,
И скликаются в ответ
Птичьи голоса.
Тихо падает с небес
В воду алое перо.

Белой птицей
новый день
Прилетел вослед,
Спряталась за лесом
тень,

Заструился свет.
Тихо падает с небес
В воду белое перо.

Чёрной птицей вьётся
ночь,

Гасит все огни,
Суету уносит прочь,
Отпускает сны.
Тихо падает с небес
В воду чёрное перо.

Где-то радость,
Где-то грусть,
Где-то есть покой,
Снова пёрышки парят
В небе надо мной.
Тихо падают с небес,
День за днём, за годом год.

Красота

Её рядили в глянец суеты,
Травили косы, красили
ресницы,
В духи, меха, алмазы
и цветы,
В холодный блеск сулили
воплотиться.

Ей примеряли пышные
слова,
Опутывали сетью
восхищенья.
Чтоб сладко закружилась
голова,
Чтоб позабыться
до изнеможенья,

Чтоб ослепил шелков
игривый свет,
Так, чтоб она другою
стала вовсе,

Да так, чтоб не узнал её
поэт,
Чтоб от неё, изломанной,
отрёкся.

Но разве совладаешь
с красотой –
Она сорвёт нелепые
одежды
И снова станет
настоящей, той,
Пьянящей и волнующей,
как прежде.

Она самой собой сумеет
быть,
Чтоб, улыгнувшись,
всё начав сначала,
К Тебе свободно при луне
приплыть –
К единственному
светлому причалу.

Немного моря, немного
звёзд.
Всё понарошку, всё не
всерьёз.
А чайки вовсе не соловьи,
Да что дано им знать

о любви?
Не о горячей, как южный
пляж,
О той – горячей в сердцах
у нас,
Не о весёлой шальной
волне,
О той – что песней живёт
во мне...

...Что быстро вспыхнет,
легко сгорит.
Немного моря? Отдай
другим!
Как много страсти,
как мало звёзд!
И нет ответа на твой
вопрос...

Песнь крестьянина

Эх, коси, моя коса,
Лебеду – крапиву!
Не катись зазря, слеза,
По щеке стыдливо,

Что запущен огород,
Что не едут дети,
Что ужасно не везёт
Мне на белом свете,

Что поизмельчал
народ
В пляске ли, в работе ль,
Лишь одной «мечтой»
живёт –
Жить бы беззаботно...

А отрада мне одна,
Что с утра хлопочет,
Верная моя жена –
Скромный мой цветочек.

Мы крапиву изведём,
В огороде нашем,
Живы будем –
не помрём,
Мы ещё попадем!

Воспоминания о зимних наслаждениях-2

Марина ГОРИДЬКО

Воспоминания о детских зимних наслаждениях освежают память столь же стремительно и легко, как шлейф тонкого ледяного слоя, счёрсанного лезвием коньков при внезапном торможении...

Хорошо, что сейчас не одевают детей так, как одевали во времена моего детства – в середине 60-х годов прошлого века.

Обычно это действо доверялось бабушкам, они манипуляции с одеванием проводили строго по отработанной веками технологии. Прогулка в саних, запряжённых лошастью, и прогулка с отцом на хоккей на санках уравнивались в сознании домовитых и заботливых бабушек. Капризничавший ребёнок бывал либо отвлечён прибаутками, либо строгостью введён в состояние некой прострации. Бабушка создавала возле себя некую базу облачения и выбирала беспроигрышный прогулочный вариант, который мог выручить из беды ребёнка, оказавшись он даже на северном полюсе. Многослойность одевания была основным секретом, объясняющим «заданную» кондицию малыша – упитанного и значительного в глазах чужих людей. Связанные варежки прикрывались к резинке и закладывались в рукава шубы или пальто на ватине. Под основную шапку поддевался платок – самый ненавистный предмет для детей обоих полов. Одевание завершали валенки с галоша-

ми и шарф, завязываемый на спине. В таком виде дети становились похожими на очень пожилых людей и передвигаться без посторонней помощи почти не могли.

– Спускайся потихоньку по лестнице! – говорит отец, встречая укоризненный взгляд бабули. Ей всё ещё казалось, что такое сокровище, как дочь, надо носить на руках.

– Да, да, уже выхожу, – отвечаю я, закладывая в карман шубы пластмассового пупсика, чтобы развлечься, если заскучаю.

Преодолев пять этажей, я оказываюсь на улице, где довольно много спешащих в разных направлениях людей. Полулёжа в санках, смотрю на широкую спину отца и на проезжающих мимо детей, жду нарастающего шума, гама, скрежета, от которых становится весело и интересно.

Открытая хоккейная коробка освещена прожекторами, отцы и бездетные мужчины так быстро вовлекались в процесс «боления», что забывали обо всём. Дети просили поднять их и показать хоккей, но отцы это делали не часто, и детям оставалось только слушать азартный взрослый шум.

Детская солидарность нарушалась детьми постарше, которые имели возможность быстро совершать движения, подпрыгивать, почти доставая до бортика и понимать, что происходит на льду и уничижительно поглядывать на тех, кто вынужден был в силу малолетства и излишней укутанности оставаться в санках или около них. Как детскому сердцу было «не по себе», как остра была жажда быстрее вырасти... Впрочем, речь мы ведем о другом. Матери, отправляя ребёнка гулять с отцом, доподлинно помню, говорили что-то взволнованное и таинственное «в дорогу». Бывали случаи, когда дети терялись на хоккее у молодых отцов по недосмотру. Время было другое, и никто с ребёнком ничего плохого сделать не мог. Детям и в голову не приходило, что что-то недоброе бывает на свете, и взрослые казались странными, но положительными существами, которых нуж-

но уважать за то, что «вырасти» у них получилось.

Помню себя возле санок с таким же, как я, закутанным ребёнком, в котором смутно угадывался мальчик моего возраста. Он кричал своему папе что-то, а утешал его скороговоркой мой отец: «Ничего, ничего, не мёрзни, сейчас наши выиграют – и домой!» Отцы знали игроков по именам, и мы слышали, как они вскрикивали: «Коля, давай, жми, Саша, пасуй!» Я время от времени доставала ярко розового пупсика из глубокого кармана шубки, это на морозе было трудно и долго, и «согревала» его в оставленных мне папой огромных кожаных перчатках. Наших отцов позвали к противоположному борту, и они бегом переместились туда, оставив нас в недоумении... Прогуливаясь возле санок, ребёнок мог и уйти от огорчения, что ему ничего не видно, но это случалось редко. Чаше молодые отцы забывали ребят и, разговаривая со своими холостыми друзьями, бодро начинали шагать восвояси, и приходилось внимательным детям напоминать о себе. Бывали случаи, когда впопыхах отцы-болельщики после матча бросались везти совсем не родных детей, а таких же многослойно одетых, припорошенных снежком, ставших похожими на свёрточки ребят, не особенно и возражавших, что их везут не их папаша. Всё заканчивалось весело, и матери могли и не узнать таких подробностей вовсе.

В тот вечер получилось, что рядом ждавшего мальчика забыли, и моему отцу пришлось отправляться домой с двумя детьми и двумя санками, составив их, к нашему удовольствию, паровозиком. По дороге нам навстречу бежал незадачливый папаша и, размахивая руками, звал своего сынишку: «Вова, Вова, где ты, сыночек?» Было достаточно темно, и в голосе его слышалась нешуточная тревога и даже боль, вызванная угрызениями совести. Вова в ответ кричал высоким и безмятежным голосом: «Я здесь, папаша!» В родственные объятия попали и мы.

Мой отец был внимателен и любую

дальнюю прогулку заканчивал одинаково – красиво. Мы заходили в магазин и пили сок, отстояв очередь, и на самом деле получали удовольствие от самого вида соковых колб и вида шоколада, сложенного в пирамиды. В одну из зим даже наш солидный и серьёзный сосед однажды привёз домой другого мальчишку. Мы потом долго смеялись всем подъездом, узнавая всё новые и новые подробности того, как состоялся обмен.

Дворец спорта стал ещё более привлекательным местом для приключений отцов с детьми. Дети не были такими избалованными, как современные. Они очень хотели небольшого угощения от родителя и довольствовались мороженым, которое можно было добыть в фойе. Отец оставлял ребёнка в перерыве посидеть на месте, чтобы не заставлять его дышать дымом курящих болельщиков. Когда ребёнку больше не хватало сил ждать родителя на месте, он смело выходил на поиски отца и, конечно же, терялся, если на весь дворец в пересменке пятёрок игроков звучало объявление:

– Родителей потерявшегося мальчика Саши просим подойти к администратору, ребёнок нашёлся и ждёт вас!

Радостно становилось всем без исключения, зрители переглядывались, желая увидеть воссоединение. Можно представить состояние отца, вообразившего себе возвращение домой без сына и счастье от услышанного! Всю дорогу домой родитель уговаривал чад не рассказывать маме о произошедшем. Дети, в основном, соглашались и вступали в особые заговорческие отношения, но потом всё равно проговаривались, так как ничего значимее с ними больше не приключалось. Долго потом матери отказывали в доверии отцам и укоризненно смотрели на признаки раскаяния на их лицах, давали рекомендации по находчивости своим ребятам.

Проходили годы, и это воспоминание становилось маленьким десертом за юбилейным столом.

Дарья АРТИУШКОВА
(лицей №22, 13 лет)

На краю...

Я спокойна так впервые.
Не мечтаю, вдалёк гляжу...
И душа полна унынья –
В ней погибель нахожу.
Страх нет... и счастья тоже,
Солнца след в душе погас.
Все изменится, быть может,
Может быть, но не сейчас.
Дрожь окутывает тело,
И ладони холодны...
Я хотела! Я. Хотела.
Счастья и другой весны!
Были планы, были грёзы,
Были звёздные мечты...
Так к чему же эти слезы?
Цель поставлена – иди!

Нет! Устала, отступаю,
Отступаю и молю:
Только вы не отступайте!
Я убита – вы в бою.
Вы в бою и вышли к цели!
Верю в вас – скорей вперед!
Будьте целы, будьте смелы!
Это ваш настал черед!

Я не рисую цветы
(И даже в красивых вазах!)
Да и натюрморты,
Пускай и приятные глазу.
Я не рисую дождь,
И солнце я не рисую.
К пейзажам огромная злость
(извините, за ритму такую).
Не люблю рисовать на заказ.
Не люблю рисовать свою дачу.
Я обычно скрываю от глаз
Нарисованного мачо –
Портреты, портреты везде!
Что ни глянь, то супермужчина.
Не рисую я женщин вообще
По понятным вполне причинам.
Да не просто мужчины, а звёзды –
Актеры, певицы, музыканты!
Вам, наверно, понять непросто
Девчонку со странным талантом.
Но поймите, примите, простите –
Такой я была и останусь.
Лучше за стол отпущите –
Я еще не нарисовалась!

Марина ЛОСЕВА
(Цыбинская школа, 9 класс)

Молодая ведьма

От мира она изолирована,
В подвале одна – без дверей, без окон.
Душой и сознанием травмирована,
Сидит под железным замком.

Сидит в темноте, нехорошая,
Да кошка пушистая возле колен.
Она не чужая, не брошена,
Но хочет таких перемен.

С рождения она одарована,
И даром гордится своим, дорожит.
Собой, как звездой, очарована,
А сделать добра не спешит.

Шептала под нос заклинание,
В зелёных глазах – отражение свечей.

Виденья, проклятья, гаданья
И прочая нечисть у ней.

Совсем молодая, красивая.
Ей, видимо, нет ещё и двадцати,
И с виду такая невинная, –
Только бесова сила внутри.

Волосы длинные, чёрные,
Разрумянены щёчки, подобно заре,
Всякие люди никчёмные
Её навещают во зле.

И зря ты вот этим гордишься...
Учисти в тёмном плену
Ты знай: ни во что превратишься
И люди тебя не поймут.

**Эти два маленьких стиха
написаны мною в 5-6 лет**

Летняя ночь

Ночные бабочки летают,
В лугах кузнечики поют.
Тёпло в саду тихонько тает,
Взлетают звёзды, как салют.

Осень

И снова горе, горе
От осени теперь.
Похолодает вскоре,
И замолчит ручей.

«Не та мне карта выпала... не та»

Оксана ОЛЕЙНИКОВА

Оксана Александровна Олейникова родилась в Иркутской области. Окончила психологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Преподавала в Коломенском государственном педагогическом институте, работала куратором КВЗ управления культуры, корреспондентом на местном телевидении, в комитете по делам молодежи, в культурном центре «Усадьба Кривякино». Сейчас редактор газеты «Эсперессо». Член Союза журналистов России.

Зачем проснулся ты и встал?
Кому – дела, кому – делишки.
Чей в пирогах моих излишки
вонзился нож? Тупой металл
уже подмял румянец хлеба.
Дышит труба. Скрипит причал.

*И предсказуемый финал
На фоне пасмурного неба...*

Меня любила моя собака.
Её не стало. Мне жаль, однако.
Поскольку тех, кого я любила,
Ждёт та же участь. Читай –
могила.
И это тоже меня волнует,
Но тот, кто любит, всегда
рискует.
Отставить сопли. Отставить
бредни.
Такие мысли у дур последних.
Да. Но любила меня собака.
И это правда. Мне жаль, однако.

Говорил, что звезды сошлись
иначе.
А может, думал: «Она заплачет.
Опять каприз и поиски смысла.
А мне и здесь прозябать не кисло».
Она шлифовала ногти и крем
накладывала,
Но настроенье его угадывала.
Так ученик играет ноктюрн
по нотам.
Когда вместо музыки звучит
работа.

Мне повезет, мне суждено,
Меня Фортуна не оставит.
Дадут конфет и орденов,
А пить мой чай никто не станет.
Я быстро свой горячий чай
Взболтаю сердцем вместо ложки,
Оно в нём булькнет – и прощай,
И не успеет «неотложка».
Когда медлительность врача
Спасительна, и стынет в чашке

*Не сладкий чай, не крепкий чай,
Не роды, так хоть смерть
в рубашке...*

От моего порога
Где ж ты, моя дорога?
Где ж ты, чертог прекрасный?
Где ж ты, мой сокол ясный?
Где же тепло под крышей?
Где же меня услышат?
Где же мой свет в окошке?
Где мой наряд роскошный?
Где мне воды напиться?
Где мне Ему молиться?
Если и есть дорога,
Жаль, что идти немного.

Возможность выбора, дробясь
на сто частей,
Приводит к выводу, что
для моих костей
Не существует правильных одежд.
И род, число, склонение, надеж
Не как предписывал стандарт
Употребляла. Точных карт
Я не читала, мчась туда,
Где, мне казалось, без труда
Найду мечту. И вот, мечта
Убита выбором. Не та
Мне карта выпала... не та.

Пожалуюсь в одиночестве:
«Дураки достали, и жизнь
без денег».
Пожалует вмиг пророчество:
«А хочешь вдобавок, чтоб муж
бездельник,
Работа с ведром и тряпкой,
Болеют дети и зубы тоже.
И вместо гвоздя со шляпкой

*Опять по пальцам?»
«Ах, нет, о Боже!»

*Начало – случайно
Могло быть другим.
Печальным, отчаянным,
в латах, нагим ...*

*Захочешь – продолжишь,
Но, смотришь, – не то...
Не можешь под кожей
Нащупать исток.*

*В конечном итоге,
Согласно судьбе,
В абстрактном чертоге,
Сражённый в борьбе,*

*Спокойно, устало
Ты выключишь свет,
А света так мало...
Случайно или нет?*

Зима. Деревня

Юрий ФОКИН

Зимой в деревне хорошо, своя прелесть, особенная. С радостью приезжаю в деревню этой порой.

Вот я и дома. Солнечная погода манит на улицу. Одеваюсь, выхожу из крыльца, останавливаюсь. Морозно, пар изо рта. Солнце ослепляет. Снег искрится, переливаясь каждой снежинкой. Постепенно глаза привыкают. В огромном небе – ни облачка.

Слушаю, не понимаю – ничего не слышу, глухота, как будто пробки в ушах, удивляюсь: «Я что, оглох?!» Делаю шаг – снег скрипит под валенком. Слава богу, со слухом всё нормально. Ни собака не залает, ни птица не прокричит, ни веточка на деревьях не треснет – так тихо, как будто вымерло всё вокруг.

Чувствую, как в висках пульсиру-

ет кровь. Вот она – Вселенская, Абсолютная, Первозданная ТИ-ШИ-НА! В городе невозможно услышать такой тишины. И никакие «блага» современной цивилизации, насаждаемые человеку и искушающие его, не заменят этого настоящего чувства и настоящего состояния души и тела, состояния гармонии с самим собой, гармонии с природой.

Всё укутано белым, каждая изба покрыта толстым слоем снега, словно пушистым одеялом. Кажется, что избы съжились от такого холода и пытаются согреться. Снегу много, сугробы доходят до окон. Почти над каждой избой вертикалью поднимается светлый дымок, хорошо выделяясь на фоне ярко-голубого неба, – жива деревня, дышит. Ни ветерка, ни звука. Морозный воздух прозрачен и чист. Спокойствие и благодать, красота вокруг необыкновенная.

Иду до прогона, снег хрустит под ногами, никто не встречается, все по домам сидят. Кусается мороз, пробирается под фуфайку, долго не погуляешь. Озяб. Поворачиваю домой. На крыльце обметаю снег с валенок голком – веником, годившимся теперь уже только на это.

Захожу в избу, и вот оно – объятие тепла родного дома! Когда и где ещё можно почувствовать это?! В доме натоплено, пахнет пирогами – это бабушка пекла, она всегда по воскресеньям печёт пироги и плюшки. Раздеваюсь. Прохожу через куть мимо русской печи в переднюю. Бабушка дремлет на своей кровати, устала. В

ногах у неё кот, свился калачиком, уткнулся носом в свой пушистый хвост и спит. Сбоку к бабушкиной кровати у перегородки, выкрашенной в синий цвет, приставлены два стула, забираюсь на них с ногами и облокачиваюсь поудобнее на кровать рядом с котом. Согреваюсь быстро в тёплом доме.

Тихо, слышно только, как часы ходики тикают размеренно, убаюкивающе. В избе светло, через замысловатые морозные узоры на стёклах проникает рассеянный солнечный свет. Кот проснулся, потягивается, нет, он только поменял позу, вытянул

лапы, повернулся на спину и снова задремал, соня.

Хорошо, просто хорошо и всё, и ничего не надо. Так бы просидел, кажется, долго-долго, не знаю сколько времени. Только зимой можно почувствовать в нашем тёплом деревенском доме такое умиротворение и покой, когда вообще ни о чём не хочется думать, особенно о городе, откуда недавно приехал. Такое чувство, что я приехал домой. Сознание чистое, ясное. Становишься самым собой, настоящим.

«Но как не петь о лете грешном...»

АНТОН ДЫНИН

Антон Владимирович Дынин родился в городе Муроме. Окончил музыкально-дирижёрское отделение училища культуры города Владимира. Работал в ансамбле «Русь», в академическом хоре центрального телевидения и радио. Сейчас живёт в д. Цыбино. Работает на станции скорой помощи в ГосНИПАСе. Лауреат конкурса одного стихотворения «И просыпается поэзия во мне». Бард, победитель многих творческих конкурсов.

Бросая клубнику в небо,
Закатом бегу напиться,
Где церковь Бориса и Глеба,
Что век на горе постится.
К прохладе взывают росы,
Туманы меня купают,
Я травы слетаю в косы –
На милость твою уповаю...
Ступали жестокие зимы
И души на лёд швыряли,
И часто я был гонимым,
Плывя в темноте печали...
И не было в сумке хлеба,
Душа без конца болела,
Но церковь Бориса и Глеба
Меня куполами грела.
На них виден свет победы,
И ветер зовёт молиться,
Бросая клубнику в небо,
Закатом бегу напиться...

*Мне – счастье петь о лете
 грешином,
Где юность прячется в стогах,
Где две души плывут неспешно,
Расправив крылья в облаках...
Где две любви, одна с другою,
Тихонько за руки держась,
Стоят под белою Луною,
Ни чьих запретов не таясь...
Где по утрам сырые росы,
Купают души и тела,
Где ты, склонившись
 над покосом,
Сплетаешь косы цвета льна...
Сгорит костёр, дотла
 истлевший,
Померкнут в пепельных сердцах,
Но как не петь о лете грешином,
Где юность прячется в стогах...*

Бабахнула вслед зима
Прощальным залтом снежным –
Такая в небе кутерьма,
И снег летит небрежно...
Как будто он и впрямь живой –
Окошко нежно гладит,
Играет белой пеленой
Чего, скажи мне, ради...
И в этой мартовской глуши
Немым напоминаям
Слиста читает крик души
Каноном покаянным.
Ая свечою у окна
Сливаюсь с этим снегом...
Я кубок твой испил до дна,
Считай, что до омеги.

Бывают дни, когда в апреле
Я одержим одной весной,
И сердце ранят птичьи трели,
И мил душевный непокой.
И небо смотрит долгим взглядом
Недалеких солнечных лучей,
Где ты идёшь со мною рядом,
Счастливых не тая очей.
Бывают дни, когда в апреле
Я одержим одной тобой.
Мы надеемся не успели
Любовью, счастьем и весной.

*В моём апреле солнце светит,
Необратимо сходит снег.
И нет прекраснее на свете
Весенних дней весёлый бег.
В моём апреле птички стаи
Целуют белый бархат верб,
В нём по утрам тихонько тает
На небе алом лунный герб.*

*В моём апреле дух томится
И серебрится свет чудес –
Моих друзей родные лица,
Как бы сошедшие с небес.
В моём апреле всё иначе –
В моём апреле – благодать.
Я в эти дни с дождями плачу
И крашу рифмами тетрадь.*

Две недели до весны –
 Только малость.
 Две недели от зимы –
 Что осталось.
 Твои веки февралём
 Побелило,
 Только сердце от любви
 Не остыло.
 Ты уже не торопи
 Злые ночи,
 Божя ради, потерпи...
 Скоро очень
 Долгожданное тепло
 Снег растопит
 И хрустальное стекло
 В днях утопит...
 Твои веки расцветут,
 Изогнутся,
 И зелёные глаза
 Вновь проснутся...
 Будем снова вместе мы –
 Будет радость,
 Две недели до весны,
 Только малость...
 Будут славить небеса
 Птичьи стаи,
 И кресты на куполах
 Засияют...
 И заставят вновь сердца
 Чаше биться,
 Чтобы жизнью без конца
 Насладиться...

Любимый город

Елена САЛИКОВА
(школа №4, 8 класс)

Я самая обычная девочка из самого, казалось бы, обычного города. Но мой город называется Воскресенск! Это уже не обычно, потому что имя города пришло от старинного села Воскресенское, где находится церковь Воскресения Христова.

Мой город тихий, уютный, ему не
присуща суeta мегаполисов, жизнь
здесь течет размеренно и спокойно.

В моём городе много замечательных мест, одним из которых является городской парк. На его территории работает много аттракционов и есть весёлая детская площадка, где ежедневно резвится малышам. Здесь проложены добротные дорожки, по которым с удовольствием прогуливаются молодые мамы с колясками, влюбленные пары и почтенные горожане. Я тоже люблю гулять по тенистым аллеям парка, мечтая о своем, забывая в эти чудные мгновения

о свете и заботах.

В тёплое время года в красивых прудах, на их зеркальной глади, в которой отражаются кроны старинных деревьев, плавает с выводком стая уток. В этой стае выделяются крупные селезни с оперением цвета летней ночи, с лазуритовыми пятнышками на крыльях.

В северной части парка на берегу реки Москвы расположена усадьба Кривякино. Своё исчисление она ведёт с начала XVIII века. Усадьба включает господский дом – здание в стиле барокко с чертами раннего классицизма, домовую церковь в честь Грузинской иконы Божьей Матери и флигель. История усадьбы связана с именем И.И. Лажечникова – большого русского писателя, автора известного исторического романа «Ледяной дом» и других произведений. Вся усадьба дышит стариной. Так и кажется, что из-за угла выйдет молодая барышня в пышном белом платье с красивым кружевным зонтиком и скажет: «Здравствуйте, Лена!» Во флигеле усадьбы в настоящее время располагается краеведческий музей, где можно много узнать об истории нашего края.

От усадьбы к берегу реки Москвы ведет широкая каменная лестница. По берегам растут ивы, длинные гибкие ветви которых, словно изящные руки красавиц, тянутся к воде.

Рядом с парком находится центральная площадь города – площадь им. В.И.Ленина. На ней - Дворец культуры им. Н.И.Докторова, здание которого очень украшает облик центральной части Воскресенска. Здание дворца – белоснежное архитектурное со-

оружие с большими колоннами. Перед ним установлен памятник Герою Социалистического Труда, выдающемуся директору «Воскресенских минеральных удобрений» Н.И. Докторову. Вокруг памятника разбит клумба с яркими цветами, которые радуют горожан с конца мая до самых морозов. Рядом красуются сказочные голубые ели. На них обитают забавные белочки. Увидеть их считается удачей.

Внутри дворец очень красив. Здесь выступают не только местные творческие коллективы, но и знаменитые на всю страну актеры и певцы.

Во дворце работает множество кружков и секций для людей разного возраста, от самых маленьких до пожилых. Из творческих коллективов хотелось бы отметить танцевальный ансамбль «Сувенир», который является лауреатом многих не только отечественных, но и зарубежных конкурсов. Дворец культуры «Химик» – это не единственный дворец культуры нашего города. На территории Воскресенска есть ещё ДК «Цементник», ДК «Юбилейный» и другие учреждения.

За Дворцом культуры расположен большой Ледовый дворец спорта «Подмосковье». На его льду тренируются именитые спортсмены, а также открыты секции для детей и подростков. В теплое время года перед Дворцом спорта бьют фонтаны. Они, словно сказочные живые существа, посто-

янно пляшут на разной высоте, разбрасывая окрест хрустальные струи.

Площадь перед Ледовым дворцом всегда наполнена людьми всех возрастов.

Моем любимым местом является аллея, соединяющая улицы Октябрьскую и Пионерскую, на которой располагается памятник воинам-воскресенцам, отдавшим жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. На мраморной плите монумента полыхает Вечный огонь Славы как символ вечной памяти о подвиге погибших солдат. На территории вокруг мемориала растут прекрасные клены, разбиты красочные клумбы и газоны. Особенно красиво это место золотой осенью. Аллея расположена по дороге между моей школой и домом, в котором я живу. В солнечные сентябрьские дни я подолгу могу любоваться огромными кленами, покрытыми золотой листвой, играющей на солнце волшебным блеском; прекрасными клумбами с ярко-красными осенними цветами. Сквозь жёлтый ковер опавших кленовых листьев проглядывают участки газона изумрудного цвета. Все выглядит как в сказке! Солнечной осенью я долго бреду домой, шурша опавшей листвой и, вдыхая аромат звенящего воздуха, наслаждаясь последними теплыми денками.

Меня не покидает чувство любви к моему городу, который носит гордое имя – Воскресенск.

Редакционная коллегия: Л.А. Дудин (редактор), В.И. Лысенков (зам. редактора), О.А. Новикова (отв. секретарь), М.И. Горидько, Ю.В. Фокин, Е.Б. Юрова.